

Элитный конфликт и “план Путина”

О стратегии развития России

Деньга Халидов,
член-корреспондент академии
геополитических проблем,
руководитель Центра стратегических
и этнополитических исследований

Проблема транзита власти в России вновь ставит на повестку дня ряд ключевых вопросов, в том числе:

Какая стратегия развития будет взята на “вооружение” в постпутинский период?

Чем может завершиться (скрытая) борьба “партий” влияния вокруг Путина, которая не является секретом в экспертном сообществе, и как это отразится на стратегии развития страны?

И, наконец, что есть “план Путина” и почему столь востребован вопрос о “преемственности” курса?

Постановка таких вопросов выдвигает задачу выявления глубинных аспектов и ключевых моментов стратегии развития России, которая реализовывалась в последние годы. Причем, здесь важно не скатиться в пропагандистский раж вокруг так называемого “плана Путина”, ибо на кону судьба страны на ближайшие десятилетия.

Другой аспект связан с упрощением самой постановки проблемы преемственности – сведением этой очень важной в стратегическом плане темы исключительно к вопросу о “трудоустройстве Путина”. Это такая персонификация проблемы, когда страдает глубина и содержательная сторона, в рамках которой можно выделить элементы двух принципиально отличных моделей (стратегий) развития, в той или иной мере присутствующих в политике Кремля.

Первая модель – это путь строительства государства-нации (или “цивилизации”), консолидированного и полноценного субъекта международного права, вполне законно претендующего на статус “ядра” евразийской интеграции.

Вторая модель – это строительство государства-корпорации (термин Андрея Фурсова), когда государство выступает как “инструмент” крупных корпораций.

Третья модель (результат симбиоза элементов первых двух) – это строительство “корпоративного” государства, сочетающего в себе интересы и крупных корпораций, и основной части населения.

В условиях (внешнеполитических и геополитических), в которых в России осуществляется транзит власти, это вполне оправдано, если мы хотим сохранить страну и суверенитет, но этот же путь содержит в себе “семена” раздора и противоречий, ибо в рамках третьей модели невозможен органичный синтез. Он обречен, из-за глубоких противоречий между корпоративными интересами, с одной стороны, и интересами выживания и развития страны, с другой. Эти суждения носят характер рабочих гипотез, и мы попытаемся их доказать.

Первая модель: государство-нация (или “цивилизация”)

Ключевые моменты данной модели прозвучали в ежегодных посланиях Президента парламенту за 2004–2007 гг., в ряде важных указов и распоряжений за последние два года. Они и составляют каркас “плана Путина”.

Президентские инициативы в таком контексте обозначают наиболее значимые и долгосрочные вызовы для страны: социально-демографические проблемы России, вопросы военной и геополитической безопасности, проблемы экономического развития на основе новых технологий, а также энергетической безопасности для страны и мира.

Это – стратегия строительства “государства-нации”, консолидированного в достаточной мере для решения реально значимых для народов страны задач, с одной стороны, и, вместе с тем, встраивания России в мир как суверенного государства со статусом одной из сверхдержав.

Западный “вектор” политики в рамках данной модели пытаются несколько уравновесить восточным и южным “векторами”.

Именно в рамках данной модели реализуется множество инициатив по приданию “второго дыхания” Евразийскому экономическому союзу (ЕвАЭС), включающего в себя 6 государств: РФ, Белоруссию, Казахстан, Таджикистан, Киргизию и Узбекистан. В этой же плоскости лежит союз Белоруссии и России, а также идея “Договора о коллективной безопасности” (ОДКБ), в

который входит, помимо вышеперечисленных стран, еще и Армения.

Все эти инициативы еще не вписаны в стройную систему мер. Мешает “эффект Антисистемы”, (“агентуры влияния” или “5-й колонны”).

Эти меры в военном строительстве, внешней политике и в госстроительстве вполне адекватны реальным (внешним) угрозам и “сообщают” России новое, неведомое с начала 90-х годов качество развития. Оттого и стоит в западных масс-медиа и в либеральной прессе страны антипутинский (скрыто, антироссийский) “гвалт” публики, надежды которой Путин явно не намерен оправдывать. В этом же русле лежит и идея “суверенной демократии”, и попытки синтеза “либерализма и консерватизма или патриотизма” в одном флаконе (идея зам. главы администрации Президента РФ Владислава Суркова).

Во внешней политике государственники – носители этой модели развития, несмотря на мощный пресс внутренних “агентов влияния” и пропагандистский шум на Западе, стараются проводить национально-ориентированную и сбалансированную линию: в Центральной Азии и на Кавказе, по линии ШОС и иранского “вектора”, в арабском мире, в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке.

Хотя, ради справедливости, стоит заметить, что такие интеграционные проекты как ЕвАЭС, Договор о коллективной безопасности и Шанхайское

соглашение (ШОС-6) явно буксируют; а на фоне подавляющей роли западного направления, вообще, выглядят как “пиарные”, несистемные шаги.

Примерно также можно оценивать и попытки налаживания взаимовыгодного сотрудничества с исламским миром и обретение статуса наблюдателя в Организации Исламская Конференция (ОИК).

Государственники прекрасно осознают экономические, военно-промышленные и геополитические выгоды южного и восточного “векторов” в отличие от западного, где одни обещания о трансфере высоких технологий и прямых инвестиций и масса “воспитательных” процедур.

Слабость этой модели и пути развития страны коренится в некомплексности (несистемности), в непрочности опоры в гражданском обществе (в его российской модели) и в чрезвычайно ограниченных медийных ресурсах; в необходимости постоянного компромисса с носителями идеи “государства-корпорации”, где государство выступает как “инструмент” крупного капитала.

Потенциальный заказчик такой модели развития страны – это все общество, здоровые патриотические силы, средний и мелкий бизнес и государственники в системе власти. Наконец, это – и силовая элита страны, духовная “корпорация” и традиционные конфессии, то есть подавляющее большинство людей страны, которое только и может составить базу общенационального консенсуса для реализации такой модели развития.

Но все эти группы интересов вместе взятые не могут сформулировать ту стратегическую модель, которая была бы органична для России, и, вместе с тем, представляла бы альтернативу глобализационной модели.

Увы, это так. Самой серьезной причиной этого является монополия на ин-

формацию и дискурс весьма узкой группы людей, представляющих отечественную медиократию и экспертное сообщество. Любая позитивная инициатива или идея, предложенная в рамках данной модели, обречены на “тихий” саботаж немалой части аппарата или такую трансформацию в информационном и аппаратном “пространстве”, после которой от идеи остается одна лишь видимость.

Наглядный пример чисто коммерческого подхода к долгосрочным интересам государства и неявного саботажа идеи Союза Белоруссии и России – это прошлогодняя “возня” вокруг тарифов на нефть и газ между правительствами обоих государств.

Госмонополия в лице Газпрома в порыве корпоративного эгоизма (сиониминутного, тактического) забыла про чрезвычайно важные для геополитических интересов и обороны страны обязательства перед Белоруссией.

Подобного рода саботаж может быть и следствием сознательных (связанных с западными “партнерами”) установок, и бюрократизма, и невежества чиновничества в “чистом” виде.

Мотивации в обоих случаях разные, а последствия – одинаковы.

К примеру, президентскую идею “энергетической безопасности (или сверхдержавы)” когорта людей, составляющих костяк “Антисистемы”, умудрились упростить до банального управления перекачкой ресурсов за рубеж и влияния на политику своих заграничных клиентов. При этом в самой идее четко закладывалась концепция воссоздания в полном объеме энергомашиностроения, основанного на современных технологиях, и разработка альтернативных возобновляемых источников топлива в будущем, прозрачность экономических отношений и т.д.

В конечном счете, это такая слабость модели развития, которая делает выбранную стратегию уязвимой, полу-

винчтой и обрекает на периодические и нежелательные, с точки зрения интересов страны, компромиссы с внутрен-

ним и очень мощным фактором торможения и саботажа, который автор обозначает термином “Антисистема”.

Вторая модель: государство-корпорация

Эта модель вполне соответствует логике функционирования крупного бизнеса страны, сырьевых монополий и финансово-промышленных групп (ФПГ) и звучится в разных вариациях правительственными чиновниками и политиками-либералами, журналистами и экспертами.

Согласно этой модели, для России нет другой альтернативы, кроме как вписаться в глобализацию. Правда, с одной оговоркой, что надо бы при этом защитить национальные интересы страны.

Но правила игры задает сильнейший в лице глобальной олигархии. И как бы мы не пытались сохранить лицо, играя по чужим правилам, это чрезвычайно трудно осуществить. Мы далеко не Китай.

Именно, согласно этой модели, Россия может питать только иллюзии относительно суверенной демократии и собственной идентичности. Ибо в рамках такой модели глобальные структуры и глобальная медиакратия, а также значительная часть отечественной медиакратии выступают за такую линию поведения, которая вписывала бы Россию в западный проект.

В рамках такой модели развития страны информационная, образовательная и культурная политика в це-

лом противоречат тем стратегическим задачам, которые Владимир Путин обозначил в последнее время.

Что же касается экономической политики, то десяток вертикально интегрированных корпораций олигархического типа* (все более транснационализирующихся) вполне успешно осуществили операцию внедрения во все гоструктуры своих кадров и групп влияния и методично проводят в жизнь политику, отвечающую их интересам. Ключевые понятия, обосновывающие этот курс, сводятся к необходимости конкурентоспособности и минимизации госрасходов на социальные нужды (или “рентабельности” страны); к строительству так называемой “либеральной империи” (чубайсовская “формула”) и к активному освоению крупным бизнесом России рынков других стран.

Когда социальные министры рассуждают вполне в духе предельно прагматичного топ-менеджмента какой-либо корпорации, не чуя под собой земли (то есть нужд народа), то это и есть ярко выраженный индикатор такой философии управления государством. Хотя об этом и не говорят, но государство в рамках такой модели рассматривается не более как “инструмент” группы мощных отечественных корпораций.

* Широко пропиаренным заблуждением является факт нейтрализации олигархата. Последних вытеснили с публичной арены и то не всех. Но они здимо присутствуют в наиболее важных правительственные и парламентских решениях и законах. Вовсе не обязательно светиться на экране “ящика”, если за тебя всю черновую работу выполняют чиновники в аппарате (в том числе в правоохранительной, судебной системе), депутаты Госдумы и члены СФ. Мало кто может похвастаться столь антисоциальным и либеральным (в экономическом плане) законодательством, как Россия.

Между тем, чаще всего интересы такого бизнеса трудно идентифицировать с интересами страны в целом.

Не все то, что выгодно “Альфагрупп” и “Алросу”, “Интерросу” и “Газпрому” выгодно России в целом, если иметь в виду долгосрочные перспективы. Ибо компании сии “качают” из страны невозобновляемые ресурсы. Мысленно эта категория бизнес-элиты страны там, на Западе, а Россия – всего лишь территория наиболее прибыльного вложения капитала. Соответственно, все нерентабельное не заслуживает внимания. Разумеется, есть отдельные исключения (вроде компаний “Северсталь”) из этого правила.

Безусловно, отечественные ФПГ тоже чувствуют опасность быть поглощенным более мощными “игроками” с Запада и пытаются выстроить законодательство страны так, чтобы защитить свои интересы.

Они также за суверенитет России: кому охота делиться?

Но в случае нахрапистого наступления объединенного “цивилизованного мира” во главе с США, свидетелями чего мы являемся в последние годы, эта публика на торги может выставить нечто более существенное, нежели часть акций своих компаний. Кстати, широкая распродажа западным “партнерам” государственных пакетов акций в отечественных ТНК (в основном – сырьевых) – это тоже факт, из разряда “широко известных в узких кругах”.

Запад как территория господства философии менял и финансовых спекулянтов не намерен оставлять Россию без небескорыстных “объятий” и перманентных воспитательных “процедур”. Слишком “лакомый кусок” на фоне углубляющегося кризиса долларовой системы. Разумеется, одни процедуры действительно полезны для страны, ибо учат уважать Человека в человеке. Другие же – явно с расчетом

на демонтаж России как культурного и политического целого, нацелены на бесконтрольное освоение ее громадных ресурсов западными ТНК. Всегда надо отличать одно от другого. Но безоглядная любовь, скорее корреспондирующая с комплексом неполноценности, явно во вред стране.

Финансово-экономический блок правительства также действует вполне в духе данной модели “государство-инструмент корпораций” и руководствуется рецептами Вашингтонского консенсуса (пула из международных финансовых структур: МВФ, ВБ, ФРС США).

Здесь все логично. Не может правительство быть свободно как от политического наследства 90-х годов и влияния ельцинизма, так и от крупного капитала страны.

Предполагаю, что последовательно либеральный курс и несменяемый характер таких фигур как Кудрин, Чубайс и К° был своеобразным ключевым пунктом “контракта” с Путиным при его восхождении на политический Олимп.

Одно из двух: или крупный капитал страны настолько неадекватно оценивает угрозы для страны и для своего бизнеса (или особо не думает об этом), что вполне допускает столь нерациональный способ “утилизации” сверхдоходов, складируемых в Стабилизационном фонде, или же, такая политика – индикатор скрытого влияния американского “цэка”.

В равной мере сказанное относится и к деятельности Центробанка (ЦБ) РФ. Он, скорее, выступает как “филиал” Федеральной резервной системы (ФРС) США, нежели как центральный финансовый институт, руководствуясь государственными интересами страны.

Именно с таких позиций, без либеральных иллюзий, проанализирована финансовая политика России в 90-е годы в работе

Владимира Мартыненко¹, в которой показано то, насколько следование Центробанка РФ рецептам либералов-западников отдаляло подлинное решение экономических проблем в России.

В аналогичном духе, с резко критических позиций анализируется работа Центробанка страны в 90-е годы и в работе экс-заместителя председателя Счетной палаты России Юрия Болдырева².

Актуальность постановки проблемы, когда Центробанк РФ работает по сути в интересах глобального (финансового) капитала, не снята с повестки дня и сегодня.

Строго научный сравнительный анализ бюджетного процесса в России за последние годы позволил сделать вывод, – как пишет Сергей Глазьев³ в своем обширном научном Докладе, – о полицейско-бюрократической сущности социально-экономической политики в стране, о неоколониальном ее характере.

Такого рода примеров принципиально разной интерпретации иерархий угроз и моделей развития страны можно привести много. Все зависит от степени включенности в сферу интересов той или иной группы влияния, культурной (и политической) идентификации и степени укорененности “в почву”.

Третья модель: строительство “корпоративного” государства

Первые две модели – две принципиально различающиеся стратегии в реальной политике присутствуют одновременно. И люди, которые включены в реализацию этих моделей развития страны, могут сидеть в одних и тех же кабинетах, в одних и тех же структурах и подразделениях ведомств.

Линия размежевания проходит по невидимым границам, разделяющим аппарат власти, информационное и экспертное сообщество, предпринимательский класс и интеллигенцию, в целом – элиту страны на две почти нена-

Отечественные “властители дум” в экспертном сообществе и в масс-медиа продолжают упорно игнорировать целый ряд серьезных научных работ российских (С.Глазьева, М.Хазина, М.Делягина, Д.Львова, В.Петракова и др.) и зарубежных исследователей, включая и лауреатов Нобелевской премии (Дж.Стиглица, Дж.Тобина, Л.Ларуша, Л.Туроу, Дж.Перкинса – автора бестселера “Экономического убийцы” – и других авторов), в которых дан критический анализ господствующей на Западе (и в мире в целом) финансово-экономической идеологии Вашингтонского консенсуса.

Финансово-экономическая политика нашего правительства по многим параметрам идентична политике государств “третьего” мира, которые и не скрывают своей инструментальной роли в руках западных ТНК.

К примеру, в стабфондах некоторых мини-государств Полинезии накоплены огромные ресурсы, в 2–3 раза превышающие их валовые внутренние продукты, при том, что местное население нищенствует.

Именно такова воля западных ТНК, неявно управляющих этими квази-государствами.

Не правда ли: это в какой-то степени напоминает и нашу ситуацию.

видящие друг друга большие группы людей.

Они отличаются по ценностям и мировоззрению, по образу и стилю жизни.

Этот раскол отражает глубинную драму России последнего столетия.

И дело здесь – вовсе не в пресловутой “борьбе кланов” за “доступ к трубе” или “доступ к телу”, как это пытаются нам внушить эксперты прозападного толка. Хотя такой мотив и имеет место, но это тот самый случай, когда о высоком судят люди “низкого” по-

шиба. Не это главное в этом сущностном расколе в среде политэкономической и информационно-культурной элиты страны. Дело гораздо глубже.

В политике государства очевидны признаки серьезных противоречий и нестыковок как результат влияния этих групп, которые по разному интерпретируют *благо для страны* и по разному представляют *образ будущего России*.

Зачастую, президент и его команда озвучивают ту или иную идею и “повестку дня”, которые предполагается воплотить в жизнь, а на нижних уровнях властной (политэкономической) иерархии и медийного начальства эти же идеи в существенной мере трансформируются, дискредитируя первоначальные установки.

Соответственно, по разному интерпретируются и вызовы для страны и ее долгосрочные интересы.

То, что в одном случае (с точки зрения государственного подхода) может быть представлено как реальная угроза национальной безопасности, в устах либерал-государственников в аппарате власти может быть оценено как всего лишь строгое следование законам рынка, или федеральным законам “О СМИ...” или “Об образовании...” и т.д.

Почти по каждому ключевому направлению внутренней и внешней политики государства можно выявить такого рода принципиальные нестыковки, которые затрудняют адекватную реакцию на ту или иную угрозу, или принятие эффективных мер по нейтрализации этих угроз и выработку адекватной стратегии развития России.

Ссылками на то, что “такие нынче времена” прикрывается, по сути дела, курс (неявно) западно-ориентированной части политинформационной элиты страны и финансово-экономического “блока” правительства на культурный демонтаж России и перевербовку

(в духе западничества) нового поколения и молодежи; на “мягкий” вариант социального апартеида, когда большинство общества (около 2/3) вынуждено жить на грани бедности; на шумеризацию политики и провоцирование политической апатии, когда (неявно) формируется новый тип политической культуры, далекой от подлинного народовластия и реального участия в политической жизни страны громадного большинства населения.

Еще раннее (начиная с 2004 г.) в целом ряде публикаций известных представителей политадминистративной элиты страны (Д. Медведева, В. Черкасова, В. Суркова, Г. Павловского) уже звучали тревожные нотки относительно возможных последствий скрытого раскола и неконсолидированности политэкономической и силовой элиты для будущего страны. Как следствие, мы вправе говорить и о *третьей модели* в стратегии развития страны, который сочетает в себе элементы западно-ориентированного (европоцентрического) курса и элементы евразийского и альтернативного курса по строительству “государства-цивилизации”.

Третья модель и соответствующая ей тенденция носит отпечаток паллиатива и зачастую неочевидных даже для многих экспертов, существенных противоречий, заложенных в стратегию развития России.

В долгосрочной перспективе “сожительство” подобного рода противоречий в госполитике, по сути дела, может привести к демонтажу страны как геополитического и геокультурного целого, превратив ее в территорию “свободного освоения” транснациональных корпораций (ТНК) со всеми вытекающими отсюда социально-экономическими, культурно-демографическими и geopolитическими последствиями для страны.

Судьба таких интеграционных проектов, как Союз РФ и Белоруссии, и ЕвАЭС вну-

шает серьезные тревогу, учитывая скрытый, а то явный, саботаж этого курса крупными сырьевыми и финансовыми компаниями страны.

Здесь в качестве иллюстрации достаточно привести пример с подменой понятий, когда представители крупного(финансового и сырьевого) бизнеса в стране с узко корпоративных позиций интерпретируют слова В.В.Путина “о необходимости повышения конкурентоспособности страны”, сводя это понятие исключительно к конкурентоспособности корпораций или редукцию концепции “энергетической безопасности России” в банальную идею госмонополии на экспорт нефтегазовых ресурсов.

Успешная реализация политики в такой модификации осуществима (и осуществляется) при отказе от социальных обязательств и минимизации доходов наемного персонала компаний; широком использовании практики рейдерства в спекулятивных целях; постепенной коммерциализации социаль-

ной сферы и минимизации господдержки развития культуры, науки и здравоохранения.

В последние месяцы мы наблюдаем мощные попытки сгладить эти противоречия, хотя бы в виртуальном пространстве; создать видимость консолидации власти, с одной стороны, народа и молодежи, с другой, а также видимость социализации крупного капитала.

Все эти признаки в совокупности пока еще не очень четко вписываются в модель корпоративного государства, (по типу Италии 20-х – 30-х годов) с национальным вождем на вершине “пирамиды” власти. Здесь очевидны признаки предмобилизационного состояния государства, что вполне оправдано на фоне концентрации вызовов и угроз для страны.

Но то, как это реализуется в России вызывает очень много вопросов, ибо компрадорский характер нашего крупного капитала трудно совместим с национальной мобилизацией.

Отечественная медиакратия – часть глобальных хозяев дискурса

На анализе отечественных масс-медиа стоит остановиться особо, ибо это сообщество людей давно уже не 4-я, а 2-я по значимости власть в стране. Именно так обстоит дело в развитых странах западного мира, а теперь уже и в России.

Масс-медийная политика в стране является логическим продолжением идеологии “государства-корпорации”, если не считать исключений, которые лишь подтверждают правило.

Критический разбор “идеологии” и практики этой публики давно назрел.

В рамках модели “государства-корпорации” проблемы демографии или культурной идентичности, равно как и

просвещения, уважения к традиционным ценностям и тому подобное, то есть реальная проблематика страны присутствует в медийном пространстве лишь эпизодически или как отражение очередной кампанейщины. Это лишь краткие моменты в потоке всесокрушающего и разрушительного, разлагающего, демобилизующего и дебилизирующего население “пиара”.

Мы являемся свидетелями открытой культурной перевербовки или разрушения глубинных этнокультурных и духовных основ жизни народов России.

Для подобного, с трагическими оттенками, вывода есть более чем серьезные основания, что достаточно аргу-

ментировано представлено в трудах Н.Мальковой, А.Дугина, Ю.Крупнова, С.Кара-Мурзы и др.⁴.

Но и это еще не все. В рамках такой информационно-“культурной” политики постепенно формируется образ России, просто обязанной позиционировать себя непременно как часть, именно часть, западного (“цивилизованного”) мира и, следовательно, – передовой рубеж обороны против Юга и исламского мира. Явно или неявно в масс-медиа продолжается пропаганда провоцирующая хаос в сознании людей и конфликты между группами (конфессиональными и этническими).

Делается это очень профессионально, когда соответствующие стереотипы и установки закрепляются на бессознательном уровне. Многое из того, что вещает “ящик” выстраивается в такой смысловой ряд, когда Запад ассоциируется с прогрессом, со всем “прекрасным” и продвинутым.

Даже однополые браки преподносятся как признаки очевидного прогресса, а бомбардировки Афганистана как неизбежные издержки демократизации.

Реверансы в патриотическом духе выглядят неубедительными, и лишь отдельные программы выпадают из общего ряда такого (в скрытой форме) антироссийского в стратегическом отношении “пиара”.

Анализ форумов в виртуальном пространстве Интернета оставляет также тягостное впечатление от “моря” ложных предубеждений и тенденциозных стереотипов; от растерянности и массовой фruстрации.

Такое состояние умов и информполитики вполне отвечает логике функционирования крупного бизнеса в стране, его целям и ценностям и той

“органической” вписанности этой логики в глобализационные (западноцентрические) сценарии, когда “нерентабельное население” должно попросту сгинуть. А “рентабельное” население должно состоять из миллионов “одномерных человеков”*, бездуховых и легко манипулируемых существ.

Сообщество таких “био” и социальных роботов должно составить общество из породы новых неокочевников: “манкуров”, рабов лишенных всякой памяти о своих корнях (героя повести Ч.Айтматова “И дальше века длится день”). Именно таков главный “мейнстрим” информационной и культурной политики в стране.

В таком же ключе действует и Голливуд, и западные “фабрики” по производству новых смыслов и образов, типа Г.Поттера или Б.Дилона на Западе и группы “Тату” – в России.

Поскольку социальная политика государства вполне органично вписывается также в эту модель, то получается, что государственные (и корпоративные) СМИ и финансово-экономический блок правительства работают в унисон: одни на ментальном уровне, другие – на зримо-физическом.

Именно поэтому масс-мейдийная политика в России оставляет отчетливое ощущение противоречивости, в конечном счете, антирусской при всех русофильских реверансах не вылезающих из “ящика” “старо”-новых властителей дум.

Идея “суверенной демократии” также находится в логическом и сущностном противоречии с практикой функционирования гос-ТВ, корпоративных СМИ и политикой финансово-экономического блока страны. И наконец, отечественные масс-медиа в таком кон-

* Термин Герберта Маркузе из книги “Одномерный человек”.

тексте выступают как органичное “звездно” глобальной медиократии в России; мировых “хозяев дискурса” (термин И.Шамира, израильского публициста и политолога), задающих “повестку дня” для всего мира.

Еще в Докладе “Кризис демократии” (1975 г.) группой авторов во главе с Самуэлем Хантингтоном (для “Трехсторонней комиссии”) был сформулирован ключевой вывод: финансовой элите Запада для защиты своих интересов необходимо реализовывать политику “неучастия” масс в политической жизни; в общем, взять курс на профанацию или “шоуменизацию” демократии. Такая установка была естественным продолжением намеченного (а кое-где и начавшегося) процесса “сброса” социальных обязательств государств “всеобщего благоденствия” в западном мире. Социальные обязательства приносились в жертву эффективности и конкурентоспособности.

Именно с этих пор глобальной медиократией и был взят курс на антипросвещение и дебилизацию населения; на “шоуменизацию” политики. Глобальная медиократия в разных государствах от США и до России, где она пустила также глубокие корни (в лице западофилов) работают примерно в одном ключе: разрушая и разворачивая, методично демонтируя культурно-ценостный фундамент стран, включая и Россию. В России это выражено даже более ярко и цинично.

Знакомство с работами западных авторов, в частности, американского экс-конгрессмена из республиканцев, Патрика Бьюкенена⁵, оставляет впечатление поразительного сходства аргументов и критических стрел отечественных патриотов и(или) консерваторов (в адрес информ-культурного “начальства” страны) с критикой либералов их американскими собратьями.

Такое же недовольство наглым цинизмом новых властителей дум, пропагандирующих антипатриотизм и неуважение к своей истории, разрушающих традиционную семью и религиозные ценности, ну и т.д.

Рабочая гипотеза относительно синхронной, согласованной в глобальном масштабе информационной политики подтверждается целым рядом авторитетных исследований, раскрывающих эту “ткань” невидимой связи между разными “отрядами” медийного сообщества на Западе, а теперь уже и российского его ответвления.

Здесь не просто единство “технологий” пиара, научных наработок для наиболее эффективного воздействия на массовое сознание, а единство смыслового, образного и ассоциативного ряда в репортажах и новостных программах, в различных ток-шоу и комментариях в англосаксонском мире и в России особенно наглядно. В странах Европы – все это менее выражено. Мы вправе говорить о настоящей *концептуальной войне* (термин Ю.Крупнова и Ю.Громыко), то есть войне на поражение массового сознания.

Здесь четко проявляются серьезные противоречия и логические неувязки в политике нашей правящей элиты.

С одной стороны, – ориентация на самостоятельность, на демографическое, культурное, экономическое развитие страны.

С другой стороны, такие информационные, культурные практики, которые нельзя оценить иначе, как демобилизующие, пропагандирующие ценности средневековья и неязычества. “Пиарный” шум вокруг тех или иных успехов страны (в особенности, в спорте или других не столь значимых сферах жизни) выполняют лишь тактическую задачу “умиротворения” общественного мнения.

Итог такой информполитики – деморализация общественных нравов и делегитимизация института семьи.

Другой негативный итог подобной медийной политики – моральная и социальная фрустрация как результат перманентной пропаганды криминального и катастрофического образа жизни в стране.

Кроме того – значительный рост ксенофобии и исламофобии в массовом

сознании опять-таки на фоне недвусмысленно заявленного и реально претворяемого руководством России курса на конструктивное сотрудничество с целым рядом государств ближнего зарубежья и исламского мира.

На таком фоне конструктивные шаги части руководства страны во главе с В.Путиным нередко выглядят как всего лишь “пиар”, хотя это далеко не так.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ВЫВОДЫ

– Несмотря на победные реляции и “пиарный” шум вокруг “плана Путина”, стратегию развития России, в конечном счете, можно определить как соответствующую интересам финансово-промышленных групп олигархической (и неявно, компрадорской) “природы”.

Дискурс вокруг темы “суверенной демократии” и “национально-ориентированной стратегии” хотя и имеет своих заинтересованных заказчиков из государственников в аппарате власти, но слабо коррелирует с реальной политикой: финансовой, социально-экономической, культурно-информационной и образовательной.

Амбивалентность геополитического положения страны и культурной ориентации, ее история и особенности социopolитического развития предопределяют чрезвычайную сложность выбора стратегии развития, адекватного имманентной сущности России. Эйфория по поводу возрождения державы – следствие не совсем адекватной идентификации подлинного субъекта в лице глобальной олигархии и близких к ней структур-творцов американской политики, в конечном счете; и не совсем адекватной интерпретации его целей, методологии и “технологии”.

– Принимаемые на верхних этажах власти решения прорывного (иннова-

ционного) характера в процессе реализации испытывают мощнейшее влияние параллельного центра принятия решения, который можно представить в виде сплоченного сообщества людей и структур с либерально-прозападной (американофильтской) ориентацией, хорошо представленных в финансово-экономическом блоке правительства и в крупном (сырьевом и финансовом) бизнесе, в масс-медийном и экспертном сообществах, в ряде федеральных структур, а в последние 5–8 лет – и в региональной политэкономической эlite.

Неформальные связи – большей частью горизонтальные – в этом сообществе имеют гораздо большее значение, нежели формальные, иерархические, и предопределяют эффективность его функционирования, высокий уровень согласованности и синхронизации.

Именно в рамках данного сообщества ключевые государственные решения претерпевают ряд трансформаций, подвергаясь неадекватной (стратегическим интересам страны и общества) интерпретации, редуцируясь порой до своей противоположности.

Автор обозначает подобное сообщество термином “Антисистема”, ибо мотивы и цели, ценности и принципы, коими руководствуются в данном сообществе, во многом противоречат стратегическим интересам России и ее

народов. Мотивация действий персон, включенных в такую Антисистему, может быть самая разнообразная.

Но общий “вектор”, задаваемый центрами принятия решений в данном сообществе, сводит на “нет” стратегические инициативы высшей исполнительской власти.

– Такого рода Антисистема не только подвергает меркантильной интерпретации решения высшего уровня власти, навязывая обществу и аппарату власти неадекватную “повестку дня”, задаваемую, как правило, в глобальных центрах принятия решения, но и серьезно влияет на кадровую политику государства.

Принципы отбора кадров для внедрения в государственные и прочие институты, в масс-мейдийное сообщество и “фабрики мысли и смыслов”, принятые на вооружение в рамках Антисистемы, основаны на негативных (имморальных и нигилистических) факторах. Это с одной стороны, а с другой – критериях, базирующихся на далеких от профессиональных принципов.

В конечном счете, в рамках данного сообщества реализуется стратегия, противопоставляющая Россию южной периферии, и шире – всему незападному миру; встраивающая Россию в качестве сырьевого приданка первого мира в мировую полупериферию; и, наконец, подвергающая страну решительной культурной “прополке” с негативными geopolитическими и демографическими, нравственными и социокультурными последствиями.

– Таким образом, концептуализируя подобный субъект принятия решений, с большой вероятностью можно прогнозировать демонтаж России как государства, способного стать самостоятельным центром генерации смыслов, новых ценностей и целей, соответствующих глобальным вызовам и угрозам.

В лучшем случае можно прогнозировать превращение России через 2–3 десятилетия в новый плацдарм (для ТНК и международных финансовых групп) освоения ресурсов страны при полной потере собственно того, что составляет фундамент идентичности России и ее миссии в мире.

– Набор “технологий” и методов действия, которым пользуется данное сообщество вполне соответствует методологии “управляемого хаоса”.

Теория и практика “управляемого хаоса” достаточно хорошо проработана в “фабриках мысли” (США) и широко используется мегасубъектом глобализации (или Глобамерикой) в мировой и региональной политике.

Технология “управляемого хаоса” вполне идентична практикам сетевых войн.

Особенность же применения данной технологии внутри России заключается в том, что объектом ее воздействия является “многонациональный народ” (по терминологии Конституции РФ) и традиционные конфессии; более агрессивный характер их применения; предельно “отвязанный” и циничный характер интерпретации либеральной догмы “свободы слова”, трактуемой как: “можно все, что не запрещено законом”.

Все это в совокупности обеспечивает громадный негативный кумулятивный эффект разложения и растления общества; его социокультурную и нравственную деградацию. Позитивные инициативы в рамках “плана Путина” просто “тонут” в массированной разрушительной работе Антисистемы внутри государства.

– Автор исходит из того, что в Федеральном центре в такой постановке проблема если и осознана, то еще не осмысlena с позиций реконструкции логики действия структур с антисистемным эффектом.

Государственники-носители адекватной “повестки дня” и идеи государства-“цивилизации”, не будучи включенными (активно) в деятельность масс-медиа, не могут влиять серьезно на информационную и культурную политику. Есть серьезная опасность в том, что в такой постановке проблема

и соответствующие угрозы до сих пор недооценены. Наблюдаются некоторое благодушие относительно роли и значения отечественных “властителей дум” в формировании общественного мнения, культурных предпочтений и вкусов; в конечном счете – формирования культурной “физиономии” нации.

Пять тезисов или “что делать?”

1. Все вышеизложенное диктует необходимость смещения акцентов в логике развития страны в сторону актуализации (чрезвычайной) именно проблемы национальной безопасности в широком контексте, включая и культурно-информационную составляющую как необходимое условие развития.

Противоречия, заложенные во второй модели (“государство-корпорация”), никак не могут быть нейтрализованы “пиарной” активностью или отдельными мерами правительства, равно как и “реверансами” в сторону Европы или выстраиванием особых отношений со “старой” Европой (Францией, Италией и Германией). В главных, стратегически важных вопросах страны-“локомотивы” ЕС все-таки следуют англо-американскому курсу – тому курсу, который в конечном счете определяется глобальной олигархией, и национальные элиты вместе с нацкапиталом этому “спрутут” – далеко не соперники.

2. Цейтнот времени и прочих ресурсов выдвигает на передний план императив преодоления этого поистине трагического раздвоения в политике государства.

Перенос акцентов с модели “государства-корпорации” на модель “нация (цивилизация)-государство” уже давно назревшая необходимость.

Компромисс, в результате которого бизнес-элита страны и ее креатура должны потесниться (чтобы не потерять

все) и уступить первенство проводникам идеи подлинно суверенной демократии и “нации-государства”, равно как и стратегически дальновидной политике – это второй императив.

Без такого компромисса страна может погрузиться в хаос, в результате которого (благодаря “братской” помощи НАТО), проиграют все – и первые, и вторые; а победителями выйдут другие. Не случайно ведь эклектическое образование из “революционеров” западного толка и “левых” квазипатриотов так и называется: “Другая Россия”.

Вот мы и получим “другую” Россию: расколотую на враждующие фрагменты с партизанщиной в лесах брянщины и вояками из НАТО, устанавливающими пресловутую “чистую” демократию. Эта перспектива, с высокой вероятностью, недалекого будущего (2012–2015 гг.): времени когда полностью будут модернизированы американские войска, а российские, по контрасту, достигнут пика минимума оборонного потенциала⁶.

3. Смещение акцентов в политике государства объективно должно выражаться в приведении страны в предмето-билизационное состояние.

Не надо пугаться этого слова, ибо на кону судьба России как политического и культурного целого, которая не может быть сведена до “части Европы” или “части Востока”.

Наступают времена, когда президент страны вынужден будет обратиться к россиянам со словами : “Братья и сестры! Нам угрожают... Нас шантажируют... Мы должны...” и так далее и тому подобное.

Разумеется, речь в этом случае пойдет не о нескольких десятках или сотне другой вытолкнутых из жизни и объявленных изгоями обозленных экстремистах (в горах Северного Кавказа).

Президент будет иметь в виду на порядок (на многие порядки) более важные угрозы.

В этой ситуации консолидация нации, превращение аморфной (деполитизированной, отчужденной и деморализованной) массы в сплоченный **общим Делом** “организм” невозможен без создания необходимых условий.

Вопрос развития упрется в проблему безопасности, а последняя – в вопрос о реальном субъекте, задающем стратегический “вектор” развития России.

На сегодняшний день эту задачу не решает и не может решать по объективным и субъективным свойствам ни одна из государственных структур.

На Западе эту же функцию обеспечивает согласованная работа множества неформальных структур клубного типа, взаимодействие и синхронизация которых “сообщает” системный эффект всему комплекту решений. В России, для начала, такую роль, могут выполнять сообща Госсовет и Совет Безопасности России с расширенными полномочиями, на которые важно переключить целый ряд функций стратегического планирования, а в перспективе – оживить и придать совершенно новое качество евразийским интеграционным структурам и информационной политике.

4. Одно из решающих условий приведения в соответствие реальным угрозам и вызовам государственного и об-

щественного “организма” страны – это безусловно преодоление глубокого (прямо-таки экзистенциального) отчуждения между властью имущими и подавляющей частью народа (около 70%).

Это – возврат государству его привычной для российской политической и социальной культуры функции: субъекта, генерирующего мысли и идеи, сплачивающего нацию в единое целое. С другой же стороны, это – преодоление глубокого социального расслоения, восстановление в своих правах принципа социальной справедливости.

Разумеется, без экспроприаций и без покушений на экономическую демократию и права собственности – все через налоговые, перераспределительные механизмы. Конкурентоспособность России как целого может быть обеспечена только на этих путях.

5. Мы живем в период, когда четвертая (информационная) власть давно уже превратилась по значимости во вторую.

Ни один политик не может игнорировать этот сплоченный “отряд производителей” виртуальной реальности, далекой от объективной картины. Их власть почти тотальна и всепроникающая, а реально избранная людьми власть эпизодична, фрагментарна и зависима от медийного сообщества.

Настало время, когда политика государства не может игнорировать социальную сторону медийной политики. Здесь нужна более глубокая трансформация. Речь не идет о возврате к временам цензуры, но смысловой и ценностный ряд государственных масс-медиа и близких к государству корпоративных СМИ должен соответствовать все-таки стратегии строительства “государства-цивилизации” в России. Разумеется, все должно быть профессионально и ненавязчиво, интересно.

В равной мере сказанное относится и к культурной политике.

В перспективе России вполне по силам постановка на “индустриальную” основу производства альтернативной (англосаксонскому типу) культуры, системы образов и смыслов, которая неизменно найдет широкий отклик, как минимум, в евразийском пространстве. Но пока надо хотя бы обозначить этот сдвиг в сторону от основательно себя дискредитировавшего и разрушительного “пиара” в сторону созидательного, с опорой на науку и искусство воздействия на тончайшие ментальные “струны” человека.

И здесь национальные символы и мысли, в том числе и религиозные, могут быть включены в новую (пропагандистскую) систему лишь в “снятом” виде без раздражающей и отторгающей других форме.

Новые “катюши” и “подмосковные вечера”, новые “судьба человека” и “журавли” (а не жалкие копии с голливудского суррогата) и прочие носители культурного “сигнала” России на новом, поистине судьбоносном этапе истории должны превратить страну в плацдарм образцового решения проблемы смысла жизни на евразийских просторах.

Для всего этого нужно освободиться от не самой почетной роли части (зависимой) глобальной медиократии.

Это – необходимое условие перевода страны с режима инерционного (почти деградационного) пути на рельсы подлинного развития.

Без такой глубокой трансформации медийной и культурной политики любая инициатива или проект развития будет подвергаться саботажу и дискредитации.

Вместо заключения: поучительная притча

В священных текстах монотеистической традиции приводится очень поучительный пример – притча о пророке Моисее (Муссе) и египетском мудреце Хадине (Хизры), передающий всю важность соотношения знания и незнания (сплава опыта и мистики) при принятии особо важных решений.

Вот его краткое содержание.

Пророк Моисей в египетский период жизни в поисках знания обратился к мудрецу по имени Хизра. Последний поставил следующее условие: что бы он не делал, Моисей его не спрашивает о причинах содеянного.

Вышли в путь-дорогу, через некоторое время мудрец без видимых причин топит (сделав дырку в днище) лодку, в которую они оба сели. Удивленный Моисей не выдерживает и спрашивает своего спутника о причинах столь неблагодарного, на его взгляд, поступка. Ответом было напоминание об уговоре и необходимости терпения.

Но через некоторое время опять мудрец совершает поступок, немыслимый с точки зрения морали. Он убивает молодого юношу, которого они оба встретили. Возмущенный и удивленный пророк вновь забывает об уговоре и спрашивает мудреца: зачем он это сделал?

Но ему опять напомнили о соблюдении договора и необходимости терпения, правда, уже с последним предупреждением.

И, наконец, на последнем этапе своего совместного путешествия мудрец Хизра, несмотря на то, что их обоих выгнали из городка, ремонтирует покосившуюся стену. Пророк в третий раз не выдерживает и спрашивает мудреца: “Почему ты

это сделал? Если бы ты захотел, то мог бы взять плату за это". "Все! Мы здесь разлучимся с тобой, – сказал, наконец, мудрец, – ибо не хватило у тебя терпения".

А причины своих действий он объяснил так: во-первых, лодку он потопил, потому что она принадлежала беднякам, а вслед им шел царь, который захватывал у бедняков их лодки.

Убитый юноша же отличался крайней степенью неверия и бесчестия, а его родители, наоборот, – чрезвычайно набожные и нравственные люди. И он, повзрослев, доставил бы им горе, а так они могут народить еще детей.

И, наконец, отремонтированная стена в том негостепримном городке принадлежит двум сиротам, а под стеной клад принадлежащий им. И отец их был благочестивым человеком, и Всевышний пожелал, чтобы они достигли зрелости и клад им достался.

И все мои решения были продиктованы, – вещал мудрец, – Всевышним".

Эта длинная притча имеет определенное, хотя и косвенное, отношение к нашей теме. Может быть у государственных мужей-проводников первой (державостроительной) модели будущего России, есть нечто значимое (в "запаснике"), о чем мы не догадываемся, и о чем лучше пока помолчать? Дабы не "вспугнуть" другую прозападную "партию" строителей государства—"инструмента" корпорации.

Пока же сущностное противоречие (в госполитике) сохраняется, и налицо общий тренд в пользу корпоративно-эгоистической модели и идеологии крупного бизнеса, сопровождаемое неубедительными мерами. Все это оставляет впечатление нерешительности, с одной стороны, и не осознанности в полном объеме всего комплекса угроз, с другой.

Примечания

¹ Мартыненко Вл. Неизвестная политика Банка. М.: ИСПИ, 2006.

² Болдырев Ю. О бочках меда и ложках дегтя. М., 2003.

³ Глазьев С. Развитие российской экономики в условиях глобальных технологических сдвигов. М.: НИР, 2007.

⁴ Медведева И., Шишова Т. Орден глобалистов: российская ложа (тайны современной политики). Сб. статей. М.: Алгоритм, 2006; Маркова Н.Е. "Культуринтервенция". Монография. (электронная версия); Дугин А. Поп-культура и знаки времени. (Ч. 5. Пришествие телепузиков). СПб.: Амфора, 2005. С. 323–363; Карап-Мурза С. Краткий курс манипуляции сознанием. М.: Алгоритм, 2002; Калашников М., Крупинов Ю. Гнев Орка. Америка против России. М.: АСТ, 2003. С. 78–96; Громыко Ю. Разрушение страновой идентичности и стоящих за ней ценностных матриц – важнейшая проблема идеологии нашей страны // www.km.ru.

⁵ Бьюкинен П.Дж. Смерть Запада. М.-СПб.: АСТ, 2003. С. 78–85, 206–220, 246–270.

⁶ Крупинов Ю., Калашников М. Гнев Орка. Америка против России. М.: АСТ, 2003. С. 298–450.